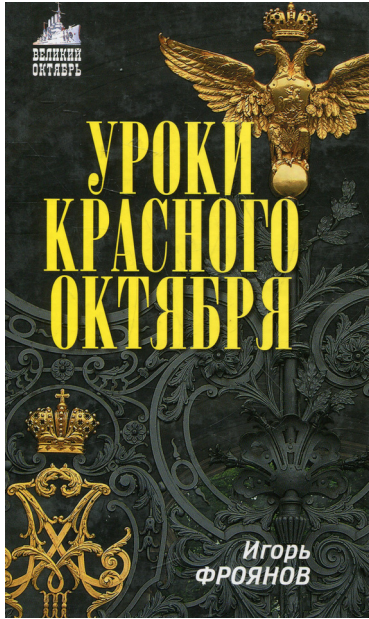

Игорь Яковлевич Фроянов

Уроки Красного Октября

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16084750
Уроки Красного Октября: Алгоритм; Москва; 2007
ISBN 978-5-9265-0471-9

Аннотация

«Капитализм не входит органически в плоть и кровь, в быт, привычки и психологию нашего общества. Однажды он уже втравил Россию в братоубийственную гражданскую войну и, как подтверждает многолетний опыт, не приживется на российской почве. Свидетельством тому и те три революции, которые произошли в стране с минимальным временным интервалом: с октября 1905 по октябрь 1917 года. Эти революции показали, что основная часть российского общества была решительно недовольна «недоделанным» российским капитализмом, бурно развившимся в стране после крестьянской реформы 1861 года, посягнувшим на соборные, общинно-коллективистские и духовно-нравственные устои народной жизни. Его-то и не принял весь народ, а не только мятувшаяся, радикально настроенная интеллигенция, как пытаются доказывать сегодня ангажированные идеологи режима».

Г. А. Зюганов.

Эти слова находят убедительное подтверждение в книге знаменитого историка И. Я. Фроянова, которую мы представляем ныне вниманию читателя.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

28

Игорь Фроянов

Уроки Красного Октября

© Фроянов И. Я., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

* * *

Светлой памяти владыки Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского посвящается

*Большое видится на расстоянии.
С. Есенин*

«Судьбы народа сокрыты в его истории. И мы, смущенные, мы малодушные и маловерные, мы должны научиться читать и понимать молчаливые глаголы нашего прошлого...» – говорил русский мыслитель Иван Ильин¹. К сожалению, не всегда это удастся. И не потому, что человеческий разум здесь бессилён, а потому, что существуют некоторые особенности познания истории, обусловленные самой историей, которые серьёзно ограничивают в тот или иной исторический момент наши возможности «читать и понимать» прошедшее. Нередко бывает так, что явления и события прошлого открывают свой подлинный исторический смысл не по горячим следам, а лишь по истечении длительного времени. Однако и это не все. Порою смысл свершений истории остается в значительной мере нераскрытым и неразгаданным, пока в жизни страны и ее народа не произойдет нечто такое, что позволит глубже и всестороннее понять этот смысл. Великая Октябрьская революция служит тому весьма удачным примером.

Восьмидесятилетие Великого Октября – время достаточное, чтобы уразуметь его роль и значение в русской истории. Но степень познания Октября была бы иной, не случись в России то, свидетелями чего мы ныне являемся. Гибель КПСС, ликвидация Советов, передел государственной собственности, расчленение исторической России, геноцид русского народа и курс на капитализацию бросают яркий луч на Октябрь 17-го года, высвечивая то, что ранее оставалось в тени.

С временной высоты и на фоне радикальных перемен в России последних лет события далекого 1917 года выступают во всей своей сложности и противоречивости. Им нельзя дать, как это было недавно в советской исторической науке, однозначную, сугубо положительную оценку. Они несут на себе печать созидания и разрушения, национальной славы и позора. Их социальное одушевление соседствует с нравственным одичанием. В этих событиях также четко просматривается игра закулисных мировых сил, смертельно враждебных России, русскому народу, преданному православной вере. По словам И. А. Ильина, у нашего народа есть «давние религиозные недруги, не находящие себе покоя от того, что русский народ упорствует в своей «схизме», или «ереси», не приемлет «истины» и «покорности» и не поддается церковному поглощению. А так как крестовые походы против него невозможны и на костер его не поведешь, то остается одно: повергнуть его в глубочайшую смуту, разложение и бедствия, которые и будут для него или «спасительным чистилищем», или же «железной метлой», выметающей Православие в мусорную яму истории»². Весьма актуальной явля-

¹ Ильин И. А. Собр. соч. М., 1996. Т.6, кн. II. С. 25.

² Ильин И. А. О грядущей России. М., 1993. С. 169.

ется мысль И. А. Ильина о том, что у России есть и такие враги, «которые не успокоятся до тех пор, пока им не удастся овладеть русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли, чтобы привить ему под видом «терпимости» – безбожие, под видом «республики» – покорность закулисным манованиям и под видом «федерации» – национальное обезличение. Это зложелатели – закулисные, идущие «тихой сапой»...»³.

Однако было бы сверхпримитивизмом ставить революционные события 1917 г. в зависимость исключительно от происков мировой закулисы или от действий кучки революционеров, возглавляемых В. И. Лениным, как это зачастую изображают сегодня⁴. И внешние силы, и партия большевиков лишь умело воспользовались объективно сложившейся в стране реальной ситуацией, имеющей глубокие исторические корни. Закулиса и Ленин только подтолкнули сползающую медленно в пропасть старую Россию.

Н. А. Бердяев, определяя истоки и смысл русского коммунизма, а следовательно и Октябрьской революции, обращается к XVII в., когда в России совершился церковный раскол. «В XVII веке, – пишет он, – произошло одно из самых важных событий русской истории – религиозный раскол старообрядчества»⁵. С тех пор русское общество находилось в состоянии раскола, который «делается характерным для русской жизни явлением». Раскольничьей была также революционная интеллигенция XIX века, без которой невозможно понять ни истоки русского коммунизма, ни характер русской революции⁶.

Столь далекий ретроспективный взгляд может показаться искусственным. Но это не так. Революционные смуты начала XX века побудили современников искать «самые отдаленные корни событий, приведших к гибели России»⁷. Отсюда был сделан верный вывод: «Связь с прошлым бесконечно глубже, чем она мнится...»

И все же нельзя полностью согласиться с Н. А. Бердяевым. Ведь подавляющая масса трудового люда не ушла в старообрядчество, она осталась в лоне официальной церкви, что не позволяет рассматривать раскол как «одно из самых важных событий русской истории», положивших начало движению русских к Октябрю 17-го года. Вместе с тем надо признать, что то был первый по своим крупным масштабам социально-психологический раскол российского общества, наложивший зримый отпечаток на следующую историю русского народа.

Возникновение процессов общественной жизни, которые привели к революционным потрясениям в России начала XX века, надо относить к эпохе реформ Петра I. Заслуживает пристального внимания наблюдение Я. А. Гордина, согласно которому «нижняя граница нашей мегаэпохи» лежит «во временах Петра I»⁸. Затрагивая некоторые негативные особенности массового сознания в России недавней и нынешней, автор находит их корни

³ Там же.

⁴ Одним из типичных примеров последнего может служить И. Бунин, по которому в октябре 1917 г. произошло следующее: «Воспользовавшись демократическим хаосом после свержения монархии, власть в стране захватила международная террористическая организация... Такого в истории человечества еще не было. И то, что это удалось, явилось для мира полной неожиданностью, не меньшей, впрочем, чем и для самих его участников – кучки разноплеменных авантюристов, собравшихся вокруг своего полубезумного лидера» (Бунин И. Золото партии. Историческая хроника СПб., 1992. С. 5–6). В этих откровенно злопахотельских пассажах проглядывает физиономия идеолога современной российской «демократии», с усердием отрешивающегося от своих предшественников и создающего иллюзию полного несходства октябрьских событий с днем нынешним. Прав Ю. И. Семенов, утверждающий, что наша «демократическая» печать «демонстрирует гармоническую смесь самой наглой лжи, удивительного невежества и невероятной глупости» (Семенов Ю. И. Россия: что с ней было, что с ней происходит и что ее ожидает в будущем, М., 1995. С. 30).

⁵ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 10.

⁶ Там же. С. 11, 17.

⁷ Федотов Г. П. Собр. соч. В 12 т. М., 1996. Т. 1, С. 110.

⁸ Гордин Я. Без ненависти и презрения// Смена, 1990. 29 ноября. Интересные соображения о единстве истории см. также: Гордин Я. Меж рабством и свободой. Л., 1994. С. 9–24; 291–376.

«в петровском перевороте, когда была создана структура, исключая гражданский мир, опирающаяся только на силу, структура по своей психологической сути дисгармоничная»⁹.

Главное, однако, состоит в том, что именно в петровское время обозначилась пропасть между дворянским сословием и трудовой массой населения, прежде всего крестьянством. Поляризация интересов помещиков и крестьян – основная ось, вокруг которой на протяжении двух веков вращались противоречия российской действительности, разрешившиеся в конечном счете крушением царской России. Даже в момент ее падения крестьянский вопрос имел первостепенное значение, а участие крестьян в революционных событиях во многом предопределило их исход. И после Октябрьской революции с точки зрения «социальных целей» крестьянство, по признанию В. И. Ленина, – «самое главное»¹⁰. Можно согласиться с политологом О. Ариным, полагающим, что «Октябрьская революция была совершена рабочими и солдатами, в последнем случае – фактически крестьянами. Крестьяне и защитили ее в годы Гражданской войны. По форме это была пролетарская революция, а по сути – крестьянская»¹¹. Так завершилась драматическая история социальной несправедливости по отношению к русскому крестьянству, у истоков которой стоит Петр I. Вот почему он является государственным деятелем, вложившим свою лепту в историческую подготовку большевистской революции.

Петр, конечно, строил не на пустом месте. Жизнь нуждалась в переменах. Предпосылки реформ сложились уже в XVII веке¹². Но, по справедливому мнению И. Л. Солоневича, Петр «превратил реформу в революцию, а преобразование – в ломку»¹³. Поэтому время его правления «является крутым и беспримерным в своей резкости переходом в русской истории... Он определил собою конец Московской Руси, то есть целого исторического периода, со всем тем хорошим и плохим, что в ней было, и начал собою европейский, петербургский или имперский период, кончившийся Октябрьской революцией»¹⁴. И. Л. Солоневич связывает реформы Петра с русской историей XX века, говоря о том, что его преобразования мы «расхлебываем до сих пор – третьим Интернационалом, террором и голодом, законными наследниками деяний великого Петра»¹⁵.

Быть может, это сильно сказано. Но революционный стиль петровских нововведений, охватывавших все основные сферы жизни страны¹⁶, не подлежит отрицанию. Не случайно, личность Петра ассоциировалась с революционными деятелями отечественной и зарубежной истории. А. С. Пушкин, тонко чувствовавший русскую историю, сравнивал Петра I с Робеспьером, называя его «воплощенной революцией»¹⁷. Н. А. Бердяев допускал срав-

⁹ Там же.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.45. С. 285.

¹¹ Арин О. Письмо из Ванкувера // Советская Россия. 1997 8 июля.

¹² Не следует, однако, преувеличивать значение этих предпосылок в деятельности Петра. Они лишь обращали внимание реформатора на ту или иную проблему общественной жизни. Во всем остальном он был самобытен. Следует прислушаться к словам А. В. Карташева, который писал: «Сколь ни стирали наши крупные историки (Соловьев, Ключевский, Платонов, Миллюков) мифологический налет на эпохе Петра Великого путем углубленного прояснения непрерывности исторического процесса, в котором нет перерывов и сказочных скачков, но после всей их критической чистки еще бесспорнее установилась обоснованность проведенной нашими предками разделительной черты в русской истории общей, а в данном случае и церковной: до Петра и после Петра» (Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т.2. С. 311).

¹³ Солоневич И. Народная монархия. М., 1991. С. 466.

¹⁴ Там же. С. 423.

¹⁵ Там же. С. 473.

¹⁶ В России ни до Петра, ни после него ни один государственный деятель не проводил реформ, которые охватили бы все сферы жизни общества и государства: экономику и социальный строй, культуру и военное дело, быт и дипломатию», – писал Н. И. Павленко, один из самых крупных знатоков эпохи Петра I (Павленко Н. И. 1) В защиту Петра Великого // Политическое образование. 1989, № 15. С. 95; 2) Петр Великий. М., 1994).

¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Л., 1978. Т.8. С. 104.

нение «между Петром и Лениным, между петровским переворотом и большевистским»¹⁸. Он видел различие между «петровским переворотом и большевистским» в том, что «большевистская революция путем страшных насилий освободила народные силы, призвала их к исторической активности, в этом ее значение. Переворот же Петра, усилив русское государство, толкнул Россию на путь западного и мирового просвещения, усилил раскол между народом и верхним культурным и правящим слоем»¹⁹. К подобным сравнениям склонялись также западные писатели и мыслители. Так, Б. Рассел видел в большевиках «наследников Петра Великого»²⁰, а в их деятельности – «возрождение методов» российского императора²¹. Немецкий писатель Э. Людвиг, беседуя с И. В. Сталиным, уподоблял Ленина Петру Первому²².

Такого рода сопоставления проводят и новейшие историки. Например, Я. А. Гордин, касаясь религиозной политики петровского и советского периодов, пишет: «В русской истории у Петра-богоборца есть только один аналог – Ленин»²³. Е. В. Анисимов также находит немало схожего в петровской и советской эпохах²⁴. Он полагает, что «Петровская эпоха дала сильный толчок для размежевания русского общества на его интеллектуальную часть и народ. Дворянство стало воспитываться в другом культурном коде. И если в XVII веке плясуны и скоморохи пели в боярском тереме и на крестьянском дворе, то начиная с XVIII века народ и дворянство стали говорить на разных языках»²⁵. Большевизм Петра I нашел отражение даже в поэзии:

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опричь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле...

М. Волошин

Всеми этими аналогиями не следует пренебрегать, зачисляя их в разряд экстравагантностей, не имеющих исторического обоснования²⁶. Петра I и Ленина, эпоху петровских преобразований и эпоху большевизма, сближают радикализм и тотальное насилие, правда, с той лишь разницей, что в первом случае – по наитию, а во втором – по научной теории. Оглядываясь на произошедшие перемены в России, Петр риторически вопрошал: «И не все ли неволею сделано?» Работа Преобразователя с подданными, как с невольниками, сродни знаменитой большевистской формуле: «Загоним человечество железной рукой в счастье».

¹⁸ Бердяев Н. А. Истоки... С. 12.

¹⁹ Там же. С. 12–13. – На наш взгляд, следует говорить о том, что Петр не усилил, а положил начало расколу между народом и господствующим дворянским сословием.

²⁰ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 62.

²¹ Там же. С. 97.

²² Сталин И. В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. М., 1938. С. 4.

²³ Гордин Я. А. Меж рабством и свободой. С. 15.

²⁴ См. беседу с Е. В. Анисимовым в газете «Смена» (1990, 24 июня); см. также: Анисимов Е. В. Имперское сознание в России и его рецидивы при сталинизме// Страницы истории. Л., 1990.

²⁵ Смена. 1990. Воскресенье 24 июня.

²⁶ Ср.: Мавродин В. В. Петр Первый. Л., 1948. С. 402.

Безудержное насилие порождало полное пренебрежение к отдельной личности, в случае с Петром – ради «доброго порядка», а в случае с Лениным – для победы пролетарской мировой революции и установления коммунистического «царства свободы». Есть еще одно пересечение, о котором здесь следует сказать. Это – вождизм. «Отец Отечества» – царь Петр живо напоминает «Отца народов» – некоронованного царя Иосифа Сталина. При этом существо вопроса не исчерпывается чисто внешним сходством. На наш взгляд, Петровская эпоха находится в причинно-следственной связи с эпохой революционных разломов в России начала XX века. Именно с Петра начинается активное отчуждение русских крестьян от свободы и собственности, разрешившееся в конечном счете крушением старой России. В этой связи обращают на себя внимание два петровских преобразования: слияние поместий с вотчинами и так называемая отмена холопства.

Указ Петра о единонаследии, обнародованный 23 марта 1714 г., внес существенные перемены в служилое землевладение²⁷. Этот указ устранял различие между вотчиной и поместьем, жалую в собственность поместные дачи. Поместья, как и вотчины, оказались в полном наследственном владении дворян. Очень скоро дворяне, удовольствовавшись, как тогда говорили, «изыснейшим благодеянием» Петра (превращением поместий в наследственную собственность), добились отмены других положений указа, не выгодных дворянству²⁸. То была коренная ломка вековых отношений государства с помещиками в пользу последних, наносившая огромный вред общественному интересу.

Ликвидация различий между вотчиной и поместьем не могла не влиять на положение крестьян, усиливая над ними власть помещиков. Важным шагом на этом пути была податная реформа, слившая помещичьих крестьян с холопами, или рабами.

В ходе податной реформы деловые и дворовые люди, или холопы, были включены в подушный оклад, что означало «юридическую ликвидацию существовавшего на протяжении нескольких столетий института холопства»²⁹. Так холопов уравнивали с помещичьими крестьянами. Оставалось только «необязательное для владельца хозяйственное различие между ними как крепостными дворовыми и крепостными хлебопашцами»³⁰.

Некоторые историки объясняют слияние холопов и крепостных крестьян изменениями фактического положения холопов в плане «окрестьянивания»³¹. Такая тенденция, по-видимому, была, но нельзя придавать ей большого значения³². Сам факт уравнивания холопов с крепостными крестьянами свидетельствует о переменах в жизни последних в сторону «охолопливания». Но каковы бы ни были реальные процессы, надо признать, что русские крестьяне обязаны Петру I резким (до холопства) понижением своего социального статуса. Петр первым из русских государей сделал столь решительный шаг, уравнив холопов и владельческих крестьян перед лицом государства и смешав их в единую «подлую» массу. Естественно, что этот прием усвоили также помещики, приноровив его к своим отношениям с холопами и крестьянами. Они, перенося господские понятия о рабах на крестьян, воспринимали последних как холопов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Известно, например, как с ликвидацией холопства барщинные работы, отправляемые ранее холопами, перекладывались на крестьян. Норма барщинных отработок «приближалась к предельной физической возможности эксплуатации человека»³³. Крестьян дарили, обменивали, прода-

²⁷ Ключевский В. О. Соч. В 9 т. М., 1989. Т. IV. С. 81.

²⁸ Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от «смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986. С. 164.

²⁹ Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982. С. 145.

³⁰ Ключевский В. О. Соч. М., 1990. Т. VIII. С. 269.

³¹ Анисимов Е. В. Податная реформа... С. 146–148.

³² Там же. С. 148.

³³ Анисимов Евг. Время Петровских реформ. Л., 1989. С. 323–324.

вали, подобно скоту. В послепетровское время крепостничество превратилось в настоящее рабство. Ясно, что при таких условиях народ и власть разошлись и чем дальше, тем больше удалялись друг от друга. Углублялось недоверие народных масс к правящему слою и государству. Этому способствовало и то обстоятельство, что русская церковь утратила свое былое значение связующего звена между властью и подданными.

Система взаимоотношений властей церковной и гражданской на Руси издревле строилась на основе *двуетаимой симфонии*, взятой из Византии вместе с христианством³⁴. Симфония властей составляет «основополагающую идею православной государственности, утверждающую понимание власти духовной и светской как самостоятельных религиозных служений, церковных послушаний, призванных взаимными гармоничными усилиями управлять «народ Божий» во благонравии и покое, необходимых для спасения души»³⁵. Петр I расстроил эту *симфонию*, проведя церковную реформу по протестантскому образцу³⁶. Как отметил митрополит Иоанн, это нарушение взаимного сочетания властей «легло в основание последовавшей драмы (а в перспективе более длительной – привело к ужасам советского богоборчества после Октябрьской революции)»³⁷.

Отмена патриаршества и учреждение наряду с другими коллегиями коллегии духовной, названной Синодом, означала превращение церкви в государственный институт и, следовательно, разрыв с предшествующей церковной историей и заветами православной старины. Петр I относился к церкви как «к подручному рычагу государственной политики»³⁸. И это, конечно, отторгло церковь от народа. К тому же, по верному разумению В. С. Соловьева, «церковь, лишённая вполне самостоятельного представительства, не может иметь настоящего влияния ни на правительство, ни на общество. И вот мы видим (сказано в 1884 г. – И. Ф.), что, несмотря на благочестие русского народа, несмотря на преданность православию наших государей, несмотря на многие прекрасные качества нашего духовенства, церковь у нас лишена подобающего ей значения и не руководит жизнью России. Наш народ ставит выше всего правду Божию, он теократичен в глубине души своей, но он лишен первого реального условия для осуществления теократии благодаря коренным недостаткам нашего церковного строя»³⁹. Эти «коренные недостатки», происхождение которых связано с церковной реформой Петра, сыграли роковую роль в истории России начала XX века, сделав церковь не способной быть истинной водительницей общества.

Итогом народной оценки правления Петра I служат легенды, изображающие Преобразователя царем-самозванцем или царем-антихристом. Одна из них, о Петре-самозванце, возникла среди тяглых людей, а другая, о Петре-антихристе, в церковном обществе, хотя провести здесь разграничения весьма трудно⁴⁰. Ясно только то что эта оценка отрицательная. Оно и понятно, ибо, как говорил В. О. Ключевский, «во все продолжение преобразовательной работы Петра народ оставался в тягостном недоумении, не мог уяснить себе хорошенько, что такое делается на Руси и куда направляется эта деятельность: ни происхождение, ни цели реформы не были ему достаточно понятны. Реформа с самого начала вызвала глухое противодействие в народной массе тем, что была обращена к народу только

³⁴ Карташев А. В. Церковь. История. Россия. Статьи и выступления М., 1996. С. 139.

³⁵ Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 218.

³⁶ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т.2. С. 323–330; Бердяев Н. А. Истоки... С. 12; Булгаков С. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991. С. 334.

³⁷ Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа... С. 218.

³⁸ Пospelовский Дм. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. С. 129.

³⁹ Соловьев В. С. Еврейство и христианский вопрос// Русская идея и евреи. Роковой спор. Христианство. Антисемитизм. Национализм. М., 1994. С. 50–51.

⁴⁰ Ключевский В. О. Соч. Т. IV. С. 211.

двумя самыми тяжелыми своими сторонами: 1) она довела принудительный труд народа на государство до крайней степени напряжения и 2) представлялась народу непонятной ломкой вековых обычаев, старинного уклада русской жизни, освященных временем народных привычек и верований. Этими сторонами реформа и возбудила к себе несочувственное и подозрительное отношение народной массы»⁴¹. Впрочем, обязанность дворян нести государеву службу все же сохраняла некую видимость социальной справедливости, являясь как бы свидетельством разверстки государственного тягла между основными социальными категориями российского общества. Однако и тут (прежде всего в сфере военной) по мере создания регулярной армии с ее рекрутчиной главное бремя тяжести ратной службы легло на народные плечи.

В послепетровское время, на протяжении 30 лет (1730–1760 гг.), дворяне получили многочисленные выгоды и преимущества, еще более отдалившие их от народной массы, а именно: «1) укрепление недвижимых имуществ на вотчинном праве со свободным ими распоряжением, 2) сословную монополию крепостного права, 3) расширение судебной-полицейской власти помещика над крепостными до тяжчайших уголовных наказаний, 4) право безземельной продажи крепостных, не исключая крестьян, 5) упрощенный порядок сыска беглых, 6) дешевый государственный кредит под залог недвижимых имуществ»⁴².

Бесстыдным апогеем сословно-корпоративного эгоизма дворян XVIII века стал манифест от 18 февраля 1762 г. о вольности дворянства, предоставивший «всему российскому благородному дворянству вольности и свободы». Указ освобождал дворян от обязательной службы. С грустной иронией В. О. Ключевский говорил: «По требованию исторической логики или общественной справедливости на другой день, 19 февраля, должна была последовать отмена крепостного права: она и последовала на другой день, только спустя 99 лет. Такой законодательной аномалией завершился юридически несообразный процесс в государственном положении дворянства: по мере облегчения служебных обязанностей сословия расширялись его владельческие права, на этих обязанностях основанные»⁴³. С отменой обязательной службы дворянства крепостная неволя «утратила свое политическое оправдание, стала следствием, лишившимся своей причины, фактом, отработанным историей»⁴⁴. Получив права, дворяне избыли общественные обязанности. В этой связи В. О. Ключевский остроумно заметил: «Права без обязанностей – юридическая нелепость, как следствие без причины – нелепость логическая; сословие с одними правами без обязанностей – политическая невозможность, а невозможность существовать не может»⁴⁵. Увы, «невозможное стало возможным»: порядок «отработанных историей» дворянских прав и привилегий сохранялся долгие годы.

На одностороннее, исторически несообразное предоставление вольности дворянству русские крестьяне ответили активным участием в пугачевском восстании 1773–1775 гг., которое по праву можно считать крестьянской войной. Каковы были социальные помыслы и чаяния крестьянской массы? Особенно яркое отражение они нашли в манифесте Е. Пугачева от 18 июля 1774 г. По выражению известного русского историка В. И. Семевского, то была «жалованная грамота всему крестьянскому миру», или «хартия, на основании которой предстояло создать новое, мужицкое царство»⁴⁶. Пугачев призывал «всех, находившихся ранее в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собствен-

⁴¹ Там же. С. 207.

⁴² Там же. С. 299.

⁴³ Там же. С. 300.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Ключевский В. О. Собр. соч. М., 1990. Т. IX. С. 65.

⁴⁶ Семевский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1903. Т. I. С. 330.

ной нашей короне», а затем жаловал «древним крестом и молитвой, головами и бородами, вольностью и свободой и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброку и освобождает всех прежде чинимых от злодеев дворян и градских мздоимцев-судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощений». Крестьяне, следовательно, стремились к освобождению от крепостной неволи, хотели получить все земли и угодья, освободиться от всех повинностей и податей, устроить общинное самоуправление на казацкий лад⁴⁷.

Но этому не суждено было осуществиться. Крепостничество гнуло русских крестьян по-прежнему. Общественный вред крепостного права был очевиден для многих людей различных социальных положений: от революционера А. Н. Радищева до императора Николая I. Но своекорыстная воля дворян шла вразрез с национальными интересами России. И только в 1861 г. правительство отменило крепостную зависимость. Это было сделано в силу неблагоприятных для дворян обстоятельств, прежде всего под давлением недовольства крестьян. «Лучше освободить крестьян сверху, чем ждать, когда они освободятся снизу», – благоразумно замечал Александр II. На каких условиях произошло освобождение? На условиях, не выгодных крестьянству.

Так называемая Великая реформа 19 февраля 1861 г. обобрала крестьян. Осуществлявшаяся посредством насилия, она привела к сокращению количества земли находившейся в руках крестьян. Надельная земля сократилась на 20 % по сравнению с тем, чем располагали ранее русские земледельцы. Стало быть, крестьян потеряли пятую часть земли, бывшую прежде в их хозяйственном обороте. Вследствие роста сельского населения, произошедшего в послереформенный период, земельная теснота еще более увеличилась. «Если в 1860 г. численность сельского населения в 50 губерниях Европейской России равнялась 50,3 млн человек, то к 1900 г. она достигла 86,1 млн. Соответственно изменилась и средняя величина душевого надела: с 4,8 дес. в 1860 г. до 2,6 дес. в 1900 г.»⁴⁸. В этих условиях сохранение привилегированного помещичьего землевладения могло породить лишь одно: лютую ненависть крестьянской массы к дворянству.

Реформа стала разорительной для крестьянства. Резко возросли профессиональное нищенство и бродяжничество, питавшиеся в значительной мере за счет бывших дворовых людей, лишенных права получить земельный надел.

Крестьяне хотя и наделялись землей, но вынуждены были выкупать ее в рассрочку. По сути то было завуалированное освобождение крестьян без земли, поскольку выкупные платежи есть не что иное, как покупка земли⁴⁹. Неудивительно, что русское крестьянство встретило реформу с явным неодобрением. Известны многочисленные случаи, когда крестьяне отказывались подписывать уставные грамоты, переводившие их на новое положение.

По наблюдениям исследователей, «все пореформенное время распадается на два периода: первый, когда крестьяне стремились обеспечить себе лучшие условия хозяйствования

⁴⁷ Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Крестьянские войны в России XVII – XVIII вв. М.: Л., 1966. С. 261; см. также: Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева/Отв. ред. В. В. Мавродин. Л., 1966. С. 437; Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII – XVIII вв. М., 1976. С. 212.

⁴⁸ Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России 1907–1914 гг. М., 1992. С. 48; см. также: Тюкавкин В. Г., Шагин Э. М. Крестьянство России в период трех революций. М. 1987. С. 29–31.

⁴⁹ Большой государственный ум, чем реформаторы, «освобождавшие» русских крестьян в 1861 г., показал Е. Пугачев, который намеревался у дворян деревни «отнять, а определить им хотя большое жалованье»; «у бояр села и деревни отберу и буду жаловать их деньгами» (Смирнов И. И. и др. Крестьянские войны... С. 259, 260). Проблема в том, откуда взять деньги. Крестьяне видели их источник. Идеолог русского крестьянства крестьянин Тимофей Бондарев писал в конце XIX века: «Если уж вам, правителям, помещиков жалко более, нежели самих себя, то вы сделали бы так: подати и другие налоги на людей (*крестьян*. – И. Ф.) удешевят, а землю от них (помещиков. – И. Ф.) отобрали...» (Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М... 1988. С. 42).

в момент осуществления реформ, и второй, когда ведущим мотивом общественного сознания крестьян становится борьба за землю, а крестьянское движение приобретает четко выраженную аграрную окраску. Первый вал крестьянского возмущения был вызван объявлением «воли», а второй введением уставных грамот»⁵⁰.

Ярким выразителем настроений русских крестьян конца XIX века был Тимофей Михайлович Бондарев, крепостной, отданный в солдаты за какую-то провинность, а потом по приговору военного суда отправленный на поселение в Сибирь. Здесь он крестьянствовал, обучал грамоте деревенских детей. Бондарев написал книгу «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца». В этой книге он размышлял о «бедных хлебопашцах», у которых «без всяких на то прав нагло отняли... землю да помещикам да миллионерам продали»⁵¹. Бондарев оценивал сложившееся положение как несправедливое и предлагал отобрать землю у помещиков.

Русское крестьянство вступало в XX век, накопив, по выражению В. И. Ленина, «горы злобы и ненависти»⁵². Сколь долго надо было испытывать терпение народа, доверчивого и жертвенного, простодушного и покорного, чтобы вызвать в нем такую ненависть⁵³.

Мощные и почти повсеместные выступления крестьян в период революции 1905–1907 гг. объясняются их крайним недовольством и гневом. Можно утверждать, что русское крестьянство было главной движущей силой Первой революции в России. Крестьяне, а отнюдь не рабочие представляли наибольшую опасность для тогдашнего строя⁵⁴. Не случайно, С. Ю. Витте в одно из своих выступлений (конец сентября 1905 г.) говорил: «Студенческие сходки и рабочие стачки ничтожны сравнительно с надвигающею на нас крестьянской пугачевщиною»⁵⁵. В докладе государю от 10 января 1906 г. Витте высказал убеждение, что «революционное движение, кроме аграрного, резко проявляться не будет... Что же касается аграрных беспорядков, то дело с ними обстоит совершенно иначе. Аграрные беспорядки не только не кончены, но едва ли не следует признавать их лишь вступившими в первый период. Можно ожидать весной нового года более сильного их проявления, если не удастся предупредить сего соответственными мерами»⁵⁶. Показательны в этой связи и слова П. А. Столыпина из его речи перед Государственным советом в 1910 г.: «Смута политическая, революционная агитация, приподнятые нашими неудачами, начала пускать корни в народе, питаясь смутною гораздо более серьезною, смутною социальною, развившейся в нашем крестьянстве»⁵⁷.

Итак, есть достаточные основания для утверждения о том, что Первая русская революция была по сути крестьянской революцией.

В свое время и большевики и меньшевики охарактеризовали ее как буржуазную, или буржуазно-демократическую революцию, расходясь лишь в определении ее руководящей силы и, следовательно, в тактических вопросах. Вот как определил характер революции 1905–1907 гг. В. И. Ленин: «Одна из главных отличительных черт нашей революции

⁵⁰ Кабытов П. С. и др. Русское крестьянство... С. 24.

⁵¹ Там же. С. 42.

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.20. С. 20.

⁵³ Некоторые исследователи связывают эти душевные качества русских крестьян с низким уровнем грамотности, отсталостью жизненного уклада, слабым проникновением в крестьянскую среду политических знаний (Кабытов и др. Русское крестьянство... С. 57). Мы предпочитаем говорить об особенностях русского национального характера, воспитанного веками и устойчивого перед воздействием грамотности, политических знаний и жизненных новшеств.

⁵⁴ Если учесть, что среди рабочих было немало недавних крестьян, то данное положение становится еще более обобщенным.

⁵⁵ Дневник А. А. Половцова//Красный архив. 1923. Т.4. С. 70.

⁵⁶ Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. С. 53.

⁵⁷ Петр Аркадьевич Столыпин. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете 1906–1911, «Нам нужна великая Россия...». М., 1991. С. 246.

состоит в том, что это была *крестьянская* буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России. Это была буржуазная революция, ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушение помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии. В особенности крестьянство не сознавало этой последней задачи, не сознавало ее отличия от более близких и непосредственных задач борьбы. И это была крестьянская буржуазная революция, ибо объективные условия выдвинули на первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о ломке старого средневекового землевладения, о «расчистке земли» для капитализма, объективные условия выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы»⁵⁸.

В Кратком курсе истории ВКП(б) революция 1905–1907 гг. также рассматривается как буржуазно-демократическая⁵⁹.

Отсюда понятно, почему советские историки придерживались именно такого взгляда на Первую русскую революцию. Лишь в последнее время высказываются сомнения относительно его справедливости. Эти сомнения выносятся даже на страницы учебных пособий. Так, Л. И. Семенникова пишет: «В советской исторической литературе было принято характеризовать революцию 1905–1907 гг. по задачам и движущим силам как буржуазно-демократическую по аналогии с революциями XVII – XIX вв. в Западной Европе. Однако это не так. Революцию 1905–1907 гг. в России нельзя рассматривать через призму только классовых интересов. Она касалась глобальных для страны проблем. Развернувшаяся революция была первой из тех, которые представляли собой попытку снизу разрешить накопившиеся противоречия и решить проблему выбора цивилизационного пути развития. В этот период основная масса населения стояла вне политики и боролась за улучшение положения в рамках своего уклада. Рабочие требовали восьмичасового рабочего дня, повышения зарплаты, разрешения профсоюзов, введения демократии. Крестьяне боролись за охрану почвенного уклада и улучшение своего положения – отмену частной собственности на землю, ликвидацию помещичьего землевладения, предоставление права крестьянам самим устанавливать порядок владения землей»⁶⁰. Сомнения Л. И. Семенниковой относительно буржуазно-демократического содержания Первой русской революции справедливы. Но ее попытка оспорить классовый подход в оценке революционных действий крестьян и рабочих, сосредоточить обсуждение вопроса на «проблеме выбора цивилизационного пути развития» нам кажется несостоятельной.

Начало XX века – время сильнейшего обострения и столкновения классовых противоречий в России. Каждый из существовавших в стране классов действовал исходя прежде всего из своих классовых интересов. Вот почему и революцию 1905–1907 гг. необходимо рассматривать в первую очередь с точки зрения этих интересов. Рассуждения же о «проблеме выбора цивилизационного пути развития» отражают современное состояние отечественной исторической науки, занятой освоением цивилизационного метода познания истории взамен марксистской теории исторического процесса.

При изучении событий 1905–1907 гг. следует, по-видимому, применять два подхода: 1) марксистский и 2) цивилизационный как в определенной мере взаимодополняющие и взаимообогащающие друг друга. Классовая дифференциация российского общества, его антагонистическая природа, классовые интересы и борьба этих интересов не могут быть правильно поняты вне расистского учения о классах. Вместе с тем мы не поймем по-настоящему чаяния и надежды, цели и задачи русских крестьян в революции 1905–1907 гг., если не вой-

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.20. С. 20.

⁵⁹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1952. С. 52–91.

⁶⁰ Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994. С. 293–294.

дем в их ментальную область, т. е. если не используем познавательные возможности теории цивилизаций.

Спору нет, в Первой русской революции крестьяне выступали за «разрушение помещичьего землевладения, а не за свержение господства буржуазии», если, конечно, исключить из состава последней кулака. Но русские крестьяне в своей массе никогда не добивались установления буржуазной собственности на землю, предполагающей ее продажу и концентрацию земельных богатств в руках буржуа. Приведем типичное на сей счет заявление, принадлежащее самим крестьянам. Самарские крестьяне, жители села Владимирского Самарского уезда Самарской губернии, в своем приговоре (июнь 1906 г.) писали: «Нам кажется, что нужно изменить земельный порядок теперь же и так, чтобы земля была доступна всем, кто желает работать сам, и совсем бы была отобрана от того, кто наймом обрабатывает или же сдает землю в аренду. Земля – дар божий, а не создание рук человеческих, и потому она вся должна принадлежать всему народу и не составлять собственности небольшого числа лиц»⁶¹. С самарскими крестьянами перекликаются крестьяне сельца Чернозерья Свиныхинской волости Мокшанского уезда Пензенской губернии, направившие свой приговор во II Государственную думу с такими словами: «В глубине нашей крестьянской души коренится мысль, что земля как дар божий должна принадлежать только трудящимся. Владение кучкой людей миллионами десятин земли по нашему крестьянскому разумению не может ничем быть оправдано»⁶².

Подобный взгляд отнюдь не новость. Издревле крестьяне на Руси считали землю общим, мирским достоянием. «Земля Божья, а моего владения» – излюбленное выражение наших земледельцев. А когда царь в России стал земным Богом, они говорили: «Земля Божья и Государева, а роспаши мои». Через всю эпоху крепостничества русские крестьяне пронесли убеждение в своем праве на обрабатываемую ими землю⁶³. Но это было право, лишенное буржуазной сути.

Капиталистические отношения отторгались нашим крестьянством. Русские крестьяне не хотели быть земельными собственниками. В наказе депутатам II Государственной думы крестьяне Кирилловского сельского общества Выезжевской волости Арзамасского уезда Нижегородской губернии писали: «Закон об утверждении нас, крестьян, собственниками, т. е. чтобы землю каждый крестьянин имел право продавать по своему усмотрению, мы совершенно отвергаем, и как была наша земля переходящей по наделу, так мы и требуем, чтобы оставалось по-прежнему»⁶⁴.

Исследование понятия о собственности в менталитете русских крестьян показывает, что «господство в крестьянской среде на протяжении «времени большой длительности» представления о двухуровневом – семейно-потребительском и тягловом – предназначении и сословно-трудовом происхождении собственности сформировало ментальную основу для устойчивого восприятия русскими крестьянами капиталистических ценностных ориентаций как своего рода аномалии»⁶⁵. В этой связи не покажутся неуместными вопросы лидера КПРФ и народно-патриотического движения Г. А. Зюганова:

⁶¹ Революция 1905–1907 гг. в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1955. С. 339.

⁶² Сидельников С. М. Аграрная реформа... С. 237.

⁶³ Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV – XVI вв.). Л., 1987. С. 32.

⁶⁴ Сидельников С. М. Аграрная реформа... С. 239–240.

⁶⁵ Яхшиян О. Ю. Собственность в менталитете русских крестьян (Попытка конкретно-исторической реконструкции на основе материалов исследований русского обычного права, литературных описаний деревенской жизни второй половины XIX – первой четверти XX в. и крестьянских писем 1920-х гг.) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): Материалы международной конференции. М., 1996. С. 102.

«Почему в России произошли подряд три революции? Не говорит ли это о том, что наш народ так и не принял капитализм?»⁶⁶ Для нас ответ здесь может быть лишь такой: не принимал, не принимает и не примет!

Таким образом, борьба русских крестьян в ходе революции 1905–1907 гг. против капиталистической частной собственности на землю не позволяет считать эту революцию буржуазной.

Нам могут возразить в том смысле, что целевые установки крестьянства в Первой русской революции – это субъективная сторона процесса. Со стороны же объективной ликвидация помещичьего землевладения и передача земли в распоряжение мелких собственников, каковыми являются крестьяне, распахнули бы двери капитализации деревни. Это могло бы случиться, если бы не сельская община и ее организующая роль в жизни русского крестьянства. Факты свидетельствуют об оживлении деятельности общины в период революции 1905–1907 гг.

Против помещиков крестьяне обычно выступали «всем миром»⁶⁷. Их борьба за свои права привела к «активизации роли сельской общины, от имени которой в большинстве случаев составлялись приговоры, наказания и другие документы, явившиеся результатом революционного правотворчества народных масс»⁶⁸. Община стала решать «большой круг вопросов, чем до революции 1905–1907 гг.»⁶⁹.

Неприятие массой крестьян частной собственности на землю, усиление роли общины в деревенской жизни явились бы, в случае победы крестьян в Первой революции, непреодолимой преградой на пути развития буржуазных отношений в сельском хозяйстве.

Это дает веское основание в пользу сомнений относительно буржуазного характера революции 1905–1907 гг. То была, по нашему убеждению, не обезличенная буржуазно-демократическая революция, а *русская* аграрно-демократическая революция. Русская потому, что основным ее пафосом было отрицание буржуазной частной собственности на землю, проистекающее из миропонимания русских крестьян, а аграрно-демократическая вследствие того, что ее главной движущей силой явилось обездоленное крестьянство, опирающееся в своей борьбе за новое устройство жизни на старые общинные демократические по своей сути устои.

Русская аграрно-демократическая революция не победила. Ее существенным результатом стало отчуждение и недоверие народа не только к власти вообще, но и персонально к власти государя. Вера в царя пошатнулась. Но это не значит, что самодержавие, как писал Л. Троцкий в составленном им и опубликованном 1 декабря 1905 г. манифесте Петроградского Совета рабочих депутатов, «никогда не пользовалось доверием народа»⁷⁰. Напротив, было время, когда народ верил своему царю всем сердцем. И для этого были реальные основания⁷¹. Лишь в послепетровский период и особенно вслед за несправедливой реформой 19 февраля 1861 г. вера в царя начала заметно угасать, пока вовсе не погасла, что и обернулось падением самодержавной России.

Как явствует из признания Николая II, правительственные круги, «освободив» крестьян в 1861 г., преследовали ту же цель, что и позднее, при проведении столыпинской аграрной реформы. В Высочайшем рескрипте от 19 февраля 1911 г., подготовленном в связи с 50-летием «освобождения» крестьян, читаем: «Я поставил себе целью завершение предуказан-

⁶⁶ Зюганов Г. А. Россия – Родина моя. Идеология государственного патриотизма. М., 1996. С. 54.

⁶⁷ «Зырянов П. Н. Крестьянская община... С. 64; Кабытов П. С. и др. Русское крестьянство... С. 62.

⁶⁸ Кабытов П. С. и др. Русское крестьянство... С. 69.

⁶⁹ Там же. С. 74.

⁷⁰ Троцкий Лев. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Иркутск, 1991. С. 185.

⁷¹ Лавров С. Б., Фроянов И. Я. Русский народ и государство. СПб., 1995.

ной еще в 1861 г. задачи создать из русского крестьянина не только свободного, но и хозяйственно сильного собственника. В сих видах наряду с отменой круговой поруки, сложением выкупных платежей и расширением деятельности Крестьянского Поземельного банка, Я признал благовременным отменить наиболее существенные стеснения в правах крестьян, облегчить их выход из общины, а также переход на хуторское и отрубное хозяйство...»⁷²

Вдохновителем и организатором этого «благовременного» решения выступил П. А. Столыпин. Его заслуги перед Россией порой преувеличивали как раньше, так и теперь. Вот пример. Под пером В. В. Шульгина встает величественный образ спасителя России от революционных потрясений. «Освободительное движение» 1905 года, – писал он, – еще и потому не разыгралось в революцию, которая наступила двенадцать лет спустя, что вырождение русского правящего класса тогда не подвинулось так далеко. В нем нашлись еще живые силы, сумевшие использовать народное патриотическое движение, то есть «низовую контрреволюцию» ДО организованного отпора разрушителям и поджигателям России. В частности, нашелся Столыпин – предтеча Муссолини. Столыпин по взглядам был либерал-постепеновец; по чувствам – националист благородной, «пушкинской», складки; по дарованиям и темпераменту – природный «верховный главнокомандующий», хотя он и не носил генеральских погон. Столыпин, как мощный волнорез, двуединой системой казней и либеральных реформ разделил мятущуюся стихию на два потока. Правда, за Столыпина встало меньшинство интеллигенции, но уже с этой поддержкой, а главное, черпая силы в сознании моральной своей правоты, Столыпин раздавил первую русскую революцию»⁷³.

У современных «демократов» – публицистов, политических и государственных деятелей – вызывают восхищение реформаторские способности Столыпина, в сжатый срок якобы поднявшего сельскохозяйственное производство в России на небывалую высоту. Так, бывший глава российского правительства И. С. Силаев, выступая на внеочередном Съезде народных депутатов РСФСР, коснулся событий 1906–1911 гг., прежде всего предпринятой тогда земельной реформы Столыпина. По Силаеву, эта реформа принесла благо русскому народу, а царское правительство «гарантировало свободу выбора для подавляющего большинства населения России». В результате «за невиданно короткие сроки в 5–6 лет были совершены серьезные изменения в экономической практике в России, и особенно на продовольственном рынке». Подумать только, в 1916 году у России имелось до 900 млн. пудов избытка главнейших хлебов!

В действительности картина была куда более скромной. «Утверждение о том, что производство важнейших видов зерновых в России (1909–1913 гг.) превышало на 28 % соответствующее производство Аргентины, Канады и Америки, вместе взятых, спорно, ибо по данным известного дореволюционного статистика проф. Д. И. Пестржецкого, США собирали в этот период 108 млн. т., тогда как Россия – 75 млн. т. (*Пестржецкий Д. И. Около земли. Из курса лекций сельскохозяйственной статистики. Берлин, 1922. С. 47*). Конечно, 21 % всей зерновой продукции, приходившейся в то время на долю России, впечатляет. И все же не следует обольщаться объемом валового сбора зерна в России еще и потому, что Россия, в отличие от США, была тогда аграрной страной: 4/5 ее населения проживали в деревне и сами кормили себя. Товарный же хлеб и в 1916 г. поставляли в основном помещичьи и крупные крестьянские хозяйства, применявшие наемный труд.

Констатируя рост производства зерновых в России в этот период, надо иметь в виду, что это произошло не в первую очередь благодаря земельной реформе, а в результате «внешних» обстоятельств – хороших урожаев при благоприятных погодных условиях в течение

⁷² Цит. по кн.: Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 438.

⁷³ Шульгин В. В. Что нам в них не нравится... Об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 48.

ряда лет. Верно и то, что Россия продавала зерно на внешнем рынке, но часто по принципу «не доедим, но вывезем».

Теперь о 900 млн. пудов избыточного хлеба в России в 1916 г. Если не представлять истинной картины, то данный факт действительно может воодушевить: два года войны, 15 млн. тружеников, взятых из деревни на фронт, а в стране хлеба – завались. Не понятно только, почему к лету 1916 г. в 34 губерниях страны действовала карточная система на хлеб и другие продукты питания, а еще в 11 губерниях к ней готовились. Зачем при таком обилии хлеба царское правительство пошло в том же 1916 г. на введение принудительной разверстки хлебных поставок, которая, правда, с треском провалилась. Потребность Петрограда и Москвы в хлебе удовлетворялась лишь на 25 % (саботаж!). С другой стороны, так называемые «излишки» образовались отнюдь не естественным порядком как следствие успехов сельскохозяйственного производства, а в немалой мере искусственно за счет припрятывания хлеба спекулятивными элементами на протяжении нескольких лет. В итоге Февральская революция в Петрограде началась с грозного требования: «Хлеба!»⁷⁴

В столыпинской реформе Силаев нашел «положительный опыт», использованный при разработке правительством очередной перестройки села, предложенной Съезду народных депутатов.

«Мы не разделяем столь хвалебной оценки деятельности Столыпина как реформатора. С точки зрения конкретного момента она, быть может, достигла преследуемой цели, ослабив революционный накал в стране. Но в плане исторической оценки, причем, как показало время, даже ближайшей, эта деятельность оказалась пагубной для старой России, обострив до крайнего предела противоречия в русской деревне и подготовив таким образом Октябрьскую революцию. «Необходимо помнить, что столыпинская аграрная реформа затевалась не столько из экономических соображений, сколько по политическим мотивам, где грубому принуждению отводилась едва ли не главная роль. Политический союзник Столыпина октябрист М. В. Красовский, выступая в Государственном совете, с циничной прямотой заявил: «Мы стоим за решение принудительное, насильственное, навязанное»⁷⁵. Историк П. Н. Зырянов по этому поводу замечает: «Из авторов и проводников столыпинской реформы, пожалуй, никто с такой откровенностью не говорил о ее насильственном характере. Как и многие деятели «Объединенного дворянства», Красовский не скрывал, что община разрушается прежде всего ради спасения помещичьих имений»⁷⁶. Но Столыпину нужно было разрешить еще одну задачу: создать зажиточную кулацкую прослойку, которая могла бы служить социальной опорой царскому самодержавию⁷⁷. Факт примечательный! Он свидетельствует о том, что в верхах ясно понимали: кредит доверия крестьян к царю почти (если не полностью) исчерпан.

Что же это за «хозяйственный мужик», кулак, на которого уповал Столыпин? Реформатор хорошо представлял его социальный облик. Еще в 1904 г., будучи саратовским губернатором, он писал в отчете: «В настоящее время более сильный крестьянин превращается обыкновенно в кулака, эксплуататора своих однообщественников, по образному выражению – мироеда»⁷⁸. И вот на такого «мироеда» задумал опереться царь. Это было отступление от вековой обязанности Божьего Помазанника не давать в обиду слабого и защищать

⁷⁴ Соболев Г. Л., Фроянов И. Я. Кстати о Столыпине // Ленинградская правда. 1990. 6 декабря.

⁷⁵ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909–1910 годы. Сессия пятая. СПб., 1910. Стлб. 1279.

⁷⁶ Зырянов П. Н. Крестьянская община... С. 87.

⁷⁷ Тюкавкин В. Г., Шагин Э. М. Крестьянство России... С. 93–94.

⁷⁸ Цит. по кн.: Кабытов П. С. и др. Русское крестьянство... С. 48.

его от сильного⁷⁹, что не могло не способствовать еще большему отчуждению крестьянских масс от царской власти и лично от самодержца.

П. А. Столыпин, этот «мощный волнорез», хотел разрезать русское крестьянство на два слоя: богатых и бедных. Первые должны были подавить вторых и укрепить самодержавие. Подобно социальным дарвинистам, он делал ставку «на крепких и сильных», относя остальных к «убогим и пьяным»⁸⁰. По существу то был план уничтожения традиционного крестьянского мира, план своеобразного «раскрестьянивания», ибо, по верному наблюдению знатока крестьянской жизни А. В. Пешехонова, историческое «крестьянство не может расколоться на различно эволюционирующие классы, так как ему присуще особое органическое свойство, постоянное тяготение к одному, среднему семейному и хозяйственному уровню»⁸¹. Ясно, что без прямого насилия Столыпин не мог осуществить такой аграрный «переворот». Вера в силу приказа, столь свойственная отечественной бюрократии, не обошла стороной и его.

Начатая главным образом по политическим мотивам и на фоне «деревенских иллюминаций» (так называли поджоги крестьянами господских имений), столыпинская реформа погрузила русское крестьянство в пучину бед и страданий, вызвав сразу же сопротивление крестьян. Если сопоставить факты крестьянских выступлений с «ходом разрушения общины, то наблюдается тесная их связь. 1910–1911 годы являются максимальными годами в развитии столыпинских мероприятий и в то же время максимальными по числу столкновений на их почве»⁸². Это было результатом сильнейшего недовольства крестьян «столыпинскими мероприятиями по переустройству деревни»⁸³.

Деятельное участие в реализации реформы принимало Министерство внутренних дел, т. е. силовое ведомство, которое разъясняло местной администрации (губернаторам и земским начальникам), что ее работа будет оцениваться по числу вышедших из общины крестьян на подведомственной ей территории⁸⁴. Отсюда мощное давление на крестьян местных властей, угрожавших изъятием лучших земель в пользу тех домохозяев, которые «добровольно» выходили из общины⁸⁵. Открытые насилия переходили всякие границы. Так, крестьяне Бахмутского уезда Екатеринославской губернии в телеграмме на имя Столыпина от 4 апреля 1911 г. с возмущением сообщали, что местная администрация, поощряемая благодарностями и наградами высшей власти, «применяет противные закону, общечеловеческим понятиям и совести приемы, так, избивая людей, лишая их свободы сажанием в тюрьмы и другие места заключения, без объяснения, объявления, определения сроков заключения, суда и следствий, людей, провинившихся и виновных лишь в том, что могут иметь собственное суждение и выражать словами то, что находят для себя выгодным и более рациональным оставаться и впредь при общинном землепользовании. Ближайшим фактом

⁷⁹ Исполнение этой обязанности было прежде всего основанием веры народа в царя, источником монархизма русских крестьян (см.: Лавров К. Б., Фроянов И. Я. Русский народ и государство; Фроянов И. Я. Вступительное слово// Дом Романовых в истории России. СПб., 1995). Нельзя согласиться с тем, будто бы «в крестьянстве генетически заложено недоверие к власти...» (Кознова И. Е. Крестьяне и власть в аграрных преобразованиях XX века// Крестьяне и власть: Тезисы докладов и сообщений научной конференции 7–8 апреля 1995 г. Тамбов, 1995. С. 64). Недоверие к царской власти стало складываться с петровских времен и к началу XX века достигло наивысшей точки. А вот доверие к власти на самом деле имеет глубокие «генетические» корни, обнаруживаемые у восточных славян, в Древней Руси, а затем в Московском царстве. – Фроянов И. Я. 1) О возникновении монархии в России// Дом Романовых в истории России; 2) Вступительное слово// Там же.

⁸⁰ Петр Аркадьевич Столыпин. Полное собрание речей... С. 178.

⁸¹ Цит. по кн.: Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в Первой русской революции. М., 1979. С. 23.

⁸² Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М., 1963. С. 552.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Дякин В. С. Был ли шанс у Столыпина?// Государственная деятельность П. А. Столыпина. М., 1994. С. 26–27.

⁸⁵ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа... С. 552

произвольных насилий может служить случай, имевший место 19 текущего марта в Бахмуте, куда целыми обществами потребовалось господином губернатором, который в присутствии всей подчиненной ему администрации не спросил о нуждах, обидах вверенных его попечению людей, но запретил под угрозами немедленных наказаний каждого, кто посмеет дерзнуть высказывать свои неудовольствия, обиды и свои желания и тогда, когда весь бывший перед ним с обнаженными головами собранный по его приказанию и покорно, почтительно стоящий перед ним народ, не постеснялся обругать всех бывших людей оскорбительными бранными словами, призывая немедленно и всем изъявить согласие на переход с общинного к отрубному землепользованию. И тогда же многих из нас арестовал и отправил в тюрьму, а других с той же целью полиция и по настоящее время рыщет и ловит по домам, наводя панику на все население. В одном Бахмутском уезде по месту нашего жительства Троицкой, Луганской и других волостях и обществах, вследствие таких вопиюще несправедливых действий все полевые работы с осени прошлого 1910 года прекращены, около 100 тыс. дес. земли остались совершенно не вспаханными, не обсемененными зимними и не подготовленными для весенних посевов, что само по себе грозит нам и семьям нашим голодовкой. Мы, крестьяне, возмущенные вредным вмешательством в наши интересы по землепользованию, а тем более угрозами казацких нагаек, ссылкой и тюрьмами, решились перенести все же такие суровые меры, лишь бы сохранить и оградить свое законное право общинного пользования землей.... Нам думается, что не один наш Бахмутский уезд Екатеринославской губернии жестоко страдает произволом администрации, но что есть на святой Руси много таких уездов, где эти искусственные меры гнут спины беззащитного крестьянина»⁸⁶. Бахмутские крестьяне думали правильно. В других местностях «святой Руси» власти творили то же самое. Нижегородский губернатор, например, подвергал массовым арестам крестьян, не желавших выходить на хутора и отруба⁸⁷. И что же?

Несмотря на административно-командные методы проведения реформы, число вышедших из общины крестьян на 1911 год составило только 26 % от всех крестьянских хозяйств, причем многие крестьяне выходили из общины не с желанием поставить фермерское хозяйство, а с целью продажи полученной при выделе земли. К 1916 г. число порвавших с общиной земледельцев не составило и четверти от всех крестьян, владевших землей на общинном праве. Однако и выход крестьян на отруба не был пагубен для общины. Она «отнюдь не разрушалась», а лишь «несколько разгружалась от избыточных рабочих рук и освобождалась от тех своих членов, которые перестали быть крестьянами. Кроме того, от общины откалывались некоторые периферийные группы. Правда, при этом усиливалось земельное утеснение в общине. Но такой способ ее ликвидации, путем сжатия, был чреват для правительства неприятностями»⁸⁸. Реформа, следовательно, провалилась, потерпев настоящий крах⁸⁹. Известный исследователь русской крестьянской общины начала XX века П. Н. Зырянов пишет: «Столыпин и его окружение были решительными, но малоискусными лощманами. Они плохо представляли себе то, что было скрыто под поверхностью народной жизни. Им не удалось «протаранить» толщу крестьянства, что бы окончательно навязать стране путь развития, выгодный горстке помещиков, но обрекающий основную часть народа на долгие годы нищеты и голодовок»⁹⁰. В чем же главная причина провала реформы Столыпина?

⁸⁶ Сидельников С. М. Аграрная реформа... С. 139–140.

⁸⁷ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа... С. 553.

⁸⁸ Зырянов П. Н. Крестьянская община... С. 122.

⁸⁹ Там же. С. 138.

⁹⁰ Там же. С. 155.

Современник столыпинской реформы А. Ф. Керенский, беседуя в 1953 г. с журналистом французского радио Р. Лютеню, говорил, что «идея Столыпина была разумной: отказаться от общины. Однако способы проведения реформы отличались непродуманностью, жестокостью»⁹¹. Значит, будь другие способы, то и результат был бы иной. Аналогичную мысль высказывает И. Е. Кознова. «Перспективная с точки зрения потребностей общественного развития, реформа П. Столыпина слишком грубо вторгавшаяся в жизнь деревни, – пишет она, – вызвала отторжение у крестьян»⁹². Н. Верт тоже объясняет неудачу реформы Столыпина его ошибками⁹³. О просчетах и «уязвимых местах» Столыпинской реформы, вызвавших ее «общую неудачу», поворот П. Н. Зырянов: «Игнорирование региональных различий – один из недостатков Столыпинской аграрной реформы. Этим она невыгодно отличалась от реформ 1861 года. Другим ее слабым местом была идеализация хуторов и отрубов, а также вообще частной собственности на землю... Еще одно уязвимое место аграрной реформы заключалось в недостаточном ее финансировании»⁹⁴. Что касается сердцевины нового землеустройства, т. е. создания хуторов и отрубов, то здесь было «много надуманного, доктринерского. Сами по себе хутора и отруба не обеспечивали подъем крестьянской агрикультуры. Необходимость повсеместного их введения, строго говоря, никем не доказана. Между тем Столыпин и его сподвижники утвердились в мысли, что хутора и отруба – единственное универсальное средство, способное поднять уровень крестьянского хозяйства на всем пространстве необъятной России»⁹⁵.

Достаточно распространено мнение, согласно которому Столыпин не успел осуществить задуманное. Указывая на грандиозный замысел Столыпинской земельной реформы, Л. И. Семенникова замечает: «Подобная реформа при всей ее кажущейся простоте означала революцию в почвенном укладе. Предстояло изменить не просто основы землевладения, а весь строй жизни, психологию общинного крестьянства. Столетиями утверждался общинный коллективизм, корпоративность, уравнилельные принципы. Теперь надо было перейти к индивидуализму, частнособственнической психологии и соответствующему укладу жизни. Это не утверждается в одночасье. П. А. Столыпин считал, что необходимо 20 лет, чтобы перейти от общины к фермерскому строю жизни... Но история не отпустила времени: в 1914 г. началась война. Реформа осуществлялась недолго»⁹⁶. О незавершенности Столыпинской реформы, обусловленной нехваткой времени, размышлял В. С. Дякин⁹⁷. По его прикидкам, для успешного ее проведения надо было располагать не 20 годами, как думал Столыпин, а сроком в 50–80 лет. Однако история не отвела реформатору и двух десятилетий⁹⁸.

Нам думается, что история тут ни при чем. Ведь уже с 1910 г., т. е. еще при жизни реформатора, число выходцев из общины стало заметно падать. Значит, дело не во времени, а в сути самой реформы. Мы также не придаем решающего значения ошибкам и просчетам, допущенным при проведении реформы. Главное, на наш взгляд, заключается в том, что Столыпин замахнулся на вековые устои крестьянского быта, выдержавшие самые жестокие испытания и потому обладающие огромной крепостью и жизнеспособностью. Он хотел переделать народ. Но таких чудотворцев, помимо Бога, жизнь не знает. Политики и госу-

⁹¹ Императрица требовала моей головы. Беседы с Александром Керенским// Литературная газета. 1990. 5 сентября.

⁹² Кознова И. Е. Крестьяне и власть в аграрных преобразованиях XX века. С. 63.

⁹³ Верт Н. История советского государства 1900–1991. М., 1992, С. 57–59.

⁹⁴ История России. XX век. М... 1996. С. 99.

⁹⁵ Там же. С. 98.

⁹⁶ Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. С. 339–340.

⁹⁷ Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 591.

⁹⁸ Там же. С. 593.

дарственные деятели могут гнуть, ломать, калечить русский народ, но переделать его они не в состоянии. Жажда обогащения, холодный расчет, частнособственнические буржуазные инстинкты и вытекающий из них индивидуализм чужды массовому сознанию русского крестьянства. Поэтому если и говорить об ошибках Столыпина, то лишь в том смысле, что он ошибся адресом, избрав для своего эксперимента русских крестьян. Этот эксперимент, увы, обошелся очень дорого России. Он привел деревню в крайнюю степень возбуждения и раздора. Возник острый разлад внутри крестьянского мира.

Правительственный чиновник Клопов, объезжавший хутора в Екатеринославской, Орловской и Таврической губерниях в 1909 г., писал, что правительственная (столыпинская) реформа делит земледельческую Россию на два лагеря: любимцев и пасынков. Любимцы – это хуторяне, пасынки – общинники. Ради любимцев все приносится в жертву. «Отсюда, – по мнению чиновника, – проистекает вражда, зависть и раздоры между общинниками», и все это вызывает резкое недовольство крестьян. «Один едет на пашню, а другой на него с топором», – говорится в одном из донесений Министерства внутренних дел»⁹⁹.

Столыпинская земельная реформа окончательно развела власть и крестьянство в разные стороны. С. М. Дубровский был прав, когда говорил, что эта реформа «несла в себе такие противоречия, которые делали неизбежной новую революцию»¹⁰⁰. Если бы П. А. Столыпин дожил до того времени, когда можно было увидеть это, он содрогнулся бы и, наверное, очень пожалел о том, что совершил¹⁰¹. Однако И. Р. Шафаревич полагает, что ничего другого ему не оставалось, как решиться на свою реформу. «Во времена Столыпина, – утверждал он, – не было альтернативной идеи, кроме, разумеется, мировой революции»¹⁰².

Рассуждать об альтернативе произошедшему в истории – дело умозрительное, ибо случилось то, что случилось, а другого не дано. Но если все же увлечься такими рассуждениями, то можно сказать, что была альтернатива разрушению общины: ликвидация помещичьего землевладения и реформирование существующей сельской общины путем очищения ее от фискально-полицейских функций, навязанных ей государством, и превращения общинной организации в свободный земледельческий союз, обладающий достаточным фондом земли для передачи ее в наследственное пользование крестьянским семьям.

Такой ход реформирования был исторически реален, поскольку тогда русская сельская община еще не исчерпала своих потенциальных возможностей. Тут уместно вспомнить о крестьянстве Сибири, которое «высказывало свое отношение к проблеме власти и самоуправления в местных комитетах и нуждам сельскохозяйственной промышленности в 1902 г., на съездах своих представителей и собраниях сельскохозяйственных обществ в 1905 г., в наказах депутатам государственных дум, на волостных, уездных и губернских крестьянских съездах в 1917 г. и т. д. Анализ многих проектов преобразований показывает, что предусматривалось сохранение лучших сторон традиционного сельского и волостного самоуправления и одновременно – ликвидация ряда его негативных или устаревших аспектов»¹⁰³.

На этом фоне по меньшей мере странными представляются утверждения относительно того, будто в период Столыпинской земельной реформы царское правительство отказалось «от прежней политики насильственной консервации общины и переходило к ее насиль-

⁹⁹ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа... С. 553.

¹⁰⁰ Там же. С. 567.

¹⁰¹ П. М. Коловангин и Ф. Ф. Рыбаков считают П. А. Столыпина «прозорливым государственным деятелем» (Коловангин П. М., Рыбаков Ф. Ф. Экономическое реформирование в XX веке. Политико-экономическое исследование. СПб., 1996. С. 14). Это может вызвать лишь улыбку.

¹⁰² В нас – дух славянофилов. Беседа с И. Шафаревичем// Смена. 1991. 13 марта.

¹⁰³ Зверев В. А. Самоуправление в повседневной жизни крестьянского сообщества (по материалам Сибири 1861–1917 гг.)// Крестьяне и власть: Тезисы докладов и сообщений научной конференции 7–8 апреля 1995 г. С. 44.

ственной ломке»¹⁰⁴. В. С. Дякин, кому принадлежат данные утверждения, считает, как и многие другие исследователи, что община «оказывалась одной из преград» на пути перехода к «современным формам» хозяйствования в деревне. Вот почему «предоставление крестьянам права свободно выходить из общины было давно назревшей экономической необходимостью»¹⁰⁵. Речь надо, по-видимому, вести не о простом выходе крестьян без земли, что практиковалось в древнее и новое время, а с выходе с землей, имевшем, как могло показаться, разрушительные последствия для общины. И она, община, показала свою силу.

Однако это непонятно, если следовать логике В. С. Дякина. Казалось бы, царское правительство, отказавшись от «насильственной консервации» общины и приступив к «ее насильственной ломке», должно было привести общинную организацию в состояние полного распада. Но на деле случилось иное. Приведенный самим В. С. Дякиным фактический материал со всей очевидностью свидетельствует о том, что, несмотря на колоссальное давление правительства, община не только устояла, но едва лишь в 1917 г. прекратился нажим на нее, «поглотила и вышедших и выделившихся»¹⁰⁶.

Итак, земельная реформа П. А. Столыпина привела Россию на край революционной бездны, а мировая война опрокинула ее туда.

Вековая несправедливость по отношению к крестьянству, накопившему «горы ненависти и злобы», столыпинская реформа, калечившая русских крестьян, и война сделали падение старого режима неотвратимым. Самодержавная власть предстала в сознании крестьян как лютый враг, с которым надо поступить соответственно. Появились неслыханные ранее призывы к царевубийству: «Я, крестьянин, обращаюсь к вам, братья, докуда будем губить себя, т. е. крестьянина, настанет время, надо губить тех зверей, которые губят миллионы людей. За какие-то интересы чужие кладем свои головы... Помните, братцы, чтобы убить зверей, которые миллионы губят людей за свой интерес, надо действовать, пока оружие в руках. Первое: долой царя, убить его, поубивать пузанов, которые сидят в тылу да в тепле, гребут деньги лопатой и губят нас, крестьянина...»¹⁰⁷

Грянул 17-й год с его Февральской и Октябрьской революциями. Что дала стране Февральская революция? Практически ничего, кроме отречения Николая II от престола и анархии, которую, приукрашивая и расхваливая, часто называли и до сих пор называют свободой, превзошедшей свободы всех западных демократий, вместе взятых. Однако нельзя забывать, что эта «свобода» была введена в стране, которая вела и продолжала вести тяжелейшую войну, требующую колоссальных усилий и концентрации имеющихся ресурсов, материальных и духовных. Ни одно из воюющих государств, даже самое демократичное, не могло позволить себе подобной роскоши, ибо это грозило военным поражением. Ясно, что отсутствие необходимых сдержек в данной сфере наносило огромный вред национальным интересам России, а непротиводействие такому порядку и тем более его поддержка являлись по сути национальным предательством.

Ближайшим следствием «свободы», установленной после Февральской революции, стало территориальное расчленение исторической России, о котором только мечтали ее давние недруги. Если бы Временное правительство во главе с А. Ф. Керенским удержалось, то России грозил бы полный территориальный распад¹⁰⁸. Это явствует из признания самого

¹⁰⁴ Власть и реформы... С. 587.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. С. 593.

¹⁰⁷ Солдатские письма с фронта в годы мировой войны (1915–1917 гг.)//Красный архив. 1934. Т. 4–5. С. 159.

¹⁰⁸ «Славный, мудрый, честный и любимый вождь свободного народа», – гласит надпись на медали, отлитой в честь Керенского в 1917 г. Не знаем, до каких бы столпов вождизма дошел сей деятель, если бы его не прогнали.

Керенского. На слова Р. Лютеню о том, что «Временное правительство провозгласило автономию Финляндии», он ответил: «Нет!»

Мы восстановили независимость Финляндии. Она была аннексирована Россией в ходе Наполеоновских войн и вошла в империю в качестве независимого государства, заключившего союз лично с императором. В царствование Николая II многие права Финляндии были отменены, что, естественно, вызывало недовольство, даже восстания в Финляндии. Кстати, либеральное общественное мнение никогда не принимало политики насильственной русификации. Временное правительство немедленно вернуло Финляндии все права при одном-единственном условии: независимость Финляндии должна быть принята Учредительным собранием. Одновременно мы провозгласили и независимость Польши. Начал разрабатываться режим предоставления независимости для прибалтийских стран, для Украины... На Кавказе, в Туркменистане мы стали приглашать представителей местного населения для управления страной»¹⁰⁹. Усилия Временного правительства, как видим, были направлены на расчленение Российской империи, что могло только радовать западных правителей.

Полное непонимание исторической ситуации демонстрирует Д. А. Волкогонов, когда пишет: «Если бы все ограничилось демократическим февралем и он бы «устоял», то, вероятнее всего, Россия сегодня была бы великим, демократическим, могучим, нераспавшимся государством»¹¹⁰. Для историка-генерала «непреодолимой ценностью была лишь Февральская революция». С генеральской солидарностью он рассуждал: «Именно здесь, думаю я, Россией был упущен исторический шанс»¹¹¹.

Как следует из только что приведенных признаний Керенского, то был шанс раздробления России. Что касается Февральской революции, то она порой производила странное впечатление на самих ее творцов. По словам П. Н. Милюкова, «январь и февраль 1917 года прошли как-то бесцветно и не оставили ярких воспоминаний». В результате случилось то, чего «не ожидал никто: нечто неопределенное и бесформенное, что, однако, в итоге... рекламы получило немедленно название начала великой русской революции»¹¹². Могло ли это «нечто неопределенное и бесформенное» дать что-то существенное народу России? Конечно, нет.

Что не дала Февральская революция русскому народу? Она не дала главное: мир и землю. Временное правительство хотело воевать до «победного конца» (читай: до гибельного конца России), а передачу земли крестьянам отнесло на усмотрение Учредительного собрания, затягивая по существу решение земельного вопроса и применяя силу по отношению к тем крестьянам, которые явочным способом захватывали землю¹¹³. Оно не упразднило помещичье землевладение, столь ненавистное крестьянству. Следовательно, Февральская революция не решила основной для России земельный вопрос. Она не принесла почти ничего и рабочим, за исключением некоторых профсоюзных подачек: права на членство в профсоюзе и на участие профсоюзов в деятельности фабрик и заводов.

Таким образом, социально-экономические результаты Февральской революции 1917 г. были, можно сказать, ничтожны. Ее следует отнести к разряду политических переворотов, а не социальных революций¹¹⁴. Удивительно, но факт: события Октября 1917 г., имеющие все основания по характеру своему называться революцией, в исторической и публицистической литературе нередко именуются переворотом, тогда как события Февраля, лишенные революционной глубины, объявляются революцией. С этой исторической иллюзией,

¹⁰⁹ Литературная газета. 1990. 5 сентября.

¹¹⁰ Волкогонов Д. А. Семь вождей. М., 1996. Кн.1. С. 55.

¹¹¹ Волкогонов Д. А. Ленин. Политический портрет. М., 1997. Кн. 1. С. 235.

¹¹² Милюков П. Н. Воспоминания. Т.2 (1859–1917). М., 1990. С. 242.

¹¹³ Тюкавкин В. Г., Шагин Э. М. Крестьянство России... С. 157–158.

¹¹⁴ Термин «переворот» применительно к Февральской революции употреблял уже П. Н. Милюков (Милюков П. Н. Воспоминания. Т.2. С. 242).

по нашему убеждению, пора расстаться. Необходимо, наконец, осознать, что Февраль 1917 г. хотя и сопровождался мощным стачечным движением (оно, похоже, и придает ему революционную окраску), но в истории России он отмечен не революцией, а политическим переворотом. К власти пришли силы, заинтересованные в капиталистическом развитии России и учреждении в ней парламентской демократии западного образца. Они шли наперекор народной стихии, поскольку и рабочие, и крестьяне отнюдь не тяготели к капитализму.

Особенно наглядно это видно на примере крестьян. В сводном крестьянском наказе, составленном на основе 242 местных крестьянских наказов, говорилось: «Самое справедливое разрешение земельного вопроса должно быть таково: право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д., отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней».

Любопытны итоги голосования русской деревни на выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Крестьяне голосовали против кадетов, усматривая в них «защитников царя и помещиков». Был случай, когда «в воронежском селе Садовом сельское общество составило приговор: кто будет голосовать за кадетов, того убить. Кадеты не получили в селе ни одного голоса»¹¹⁵. За кого же подавали свои голоса крестьяне? За эсеров и большевиков, которые обещали социализацию земли¹¹⁶.

Временное правительство, стремясь перевести Россию на путь западных демократий, лишало русский народ национальных ориентиров, побуждая его отказаться от собственного исторического опыта, собственных ценностей и перенять ценности западной цивилизации. Такая политика вполне объяснима, если учесть, что проводили ее лица, принадлежащие к масонству¹¹⁷. Но то было очевидное насилие над Россией¹¹⁸. Оно было «прервано радикальным Октябрем»¹¹⁹.

Октябрьская революция 1917 г., будучи непосредственным откликом на события «текущего момента», представляла собой в то же время итог длительного, как мы старались показать, исторического развития России, конечный трагический акт в драматическом противостоянии дворянства и крестьянства¹²⁰. Образно говоря, Русская земля разрешилась от своего 200-летнего бремени народной революцией. Ее закономерность нам очевидна, хотя в плане историографическом тут есть свои сложности.

В научных исследованиях и публицистике не раз поднимался вопрос о преждевременности Октября. Здесь следует сказать о предупреждении Г. В. Плеханова насчет незрелости России для социалистической революции, об афористических призывах типа «на выучку к капитализму» и пр. Вплоть до 1917 г. вожди российской социал-демократии сохраняли убеждение в том, что социалистическая революция предполагает наивысшее развитие капи-

¹¹⁵ Протасов Л. Г. Крестьяне голосовали за землю (деревня на выборах во Всероссийское Учредительное собрание)// Крестьяне и власть. С. 74.

¹¹⁶ Там же. С. 75.

¹¹⁷ Старцев В. И. 1) Революция и власть. М., 1978; 2) Внутренняя политика Временного правительства. Л., 1980; 3) 27 февраля 1917 г. М., 1984; 4) Российское масонство XX века// Вопросы истории. 1989, X, с. 6.

¹¹⁸ Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Одоление смуты. Слово к русскому народу. СПб., 1995. С. 131–132.

¹¹⁹ Там же. С. 132.

¹²⁰ Во избежание недоразумений необходимо заметить, что мы отнюдь не хотим принизить роль пролетариата в революционных событиях. Пролетариат, несомненно, был застрельщиком и руководителем революционных выступлений. И все же не от него зависела судьба России. По верному наблюдению современного исследователя, «все, что происходило в революции 1917 г., в конечном счете зависело от позиции крестьянства» (Протасов Л. Г. Крестьяне голосовали за землю... С. 72).

тализма и наибольшую организованность рабочего класса. Любопытно на сей счет свидетельство одного из лидеров меньшевистской партии И. Г. Церетели, который позже писал: «Вся социал-демократия, не исключая большевиков, до Февральской революции внедряла рабочему классу сознание, что попытки осуществления социализма в экономически отсталой России ни к чему, кроме поражения пролетариата, привести не могут, что лишь завоевание демократического строя с последующим ростом производительных сил страны, а также ростом сознания и организованности пролетариата создает необходимые условия для осуществления конечной цели пролетариата – социалистической революции»¹²¹. Нечто похожее мы слышим и сегодня.

А. П. Бутенко, например, заявляет, что «война и созданные ею неслыханные бедствия изнуренных народов создали почву для вспышки социальной революции. На гребне этой вспышки социальной революции и победило Октябрьское вооруженное восстание. Но принять вспышку социальной революции, порожденную войной и достаточную для захвата власти, за саму социальную революцию, способную разрушить капитализм и утвердить социализм, – это трудноисправимый, грубейший просчет, ибо в самом российском капитализме того времени, в его противоречиях и конфликтах не было достаточной зрелости нужных объективных и субъективных предпосылок для «введения социализма»¹²².

Согласно А. П. Бутенко, «с учетом исторического опыта послеоктябрьского развития России представляется, что наиболее дальновидным и обоснованным был ленинский план постепенного завершения задач буржуазно-демократической революции и осмысленного создания предпосылок цивилизованности для последующего перехода к будущему социализму». На этом основании автор полагает, будто «коллективными решениями Второго Всероссийского съезда Советов была допущена принципиальная ошибка – провозглашена социальная революция, т. е. объявлен непосредственный социалистический выбор страны»¹²³.

От подобного рода заявлений до легкомысленных и бесстыдно тенденциозных утверждений, что власть в России случайно захватила кучка экстремистов во главе с Лениным, один шаг. Его часто и проделывают современные идеологи российской «демократии». Такие легковесные утверждения не могут быть предметом научной дискуссии, поскольку они совершенно беспочвенны и бесплодны, как известная библейская смоковница.

Что касается А. П. Бутенко и тех, кто склонен разделять его взгляды, то надо обратить внимание на две, по крайней мере, допускаемые ими ошибки. Первая из них совершается в состоянии зашоренности теорией и доктринерством, далеко от живой действительности. В самом деле, почему нужно непременно «вывариться в капиталистическом котле», чтобы выпрыгнуть оттуда в социалистическом одеянии? Почему обществу, построенному на принципах социальной справедливости, обязательно должен предшествовать капитализм? Нам скажут: так теория велела... Но нет ли тут своеобразной фетишизации общественных отношений, последовательности стадий их развития, в конечном счете неверия в разум и волю человека, в его способность устроить жизнь на человеколюбивых и добрых началах, не сообразуясь с «закономерными» фазами социальной эволюции. Словом, здесь незаметно теряется сам человек, в котором сходятся все проблемы бытия.

Вторая ошибка проистекает из поверхностного исторического взгляда на события, породившие Октябрь. Не война и вызванные ею «неслыханные бедствия» создали почву для «вспышки социальной революции», а вся предшествующая 200-летняя история, накопившая в народе огромный горячий материал. Война и связанные с ней бедствия лишь запалили его. Массовые выступления крестьян в период проведения Столыпинской земельной

¹²¹ Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Т.1. С. 430.

¹²² Бутенко А. Был ли неизбежен Октябрь?// Правда. 1990, 25 окт.

¹²³ Там же.

реформы уже внешне, или невооруженному глазу, показывали, что Россия неотвратимо идет к революции, и война определила час ее.

Ф. М. Достоевский сделал однажды в своем «Дневнике писателя» проницательную запись: «Нации живут великим чувством и великою, всех единящею и все освещающею мыслью, соединением с народом, наконец, когда народ невольно признает верхних людей с ним заодно, из чего рождается национальная сила – вот чем живут нации, а не одной лишь биржевой спекуляцией и заботой о цене рубля»¹²⁴. С этой точки зрения Россия к 17-му году являла собой тяжкое зрелище. Она утратила великие чувства и мысли, всех единящие, погрузившись в социальный раздор. Народ не только не признавал «верхних людей» заодно с собой, но, напротив, видел в них своих непримиримых врагов. Так долго продолжаться не могло. Русское общество инстинктивно искало выход из этого положения, медленно умертвляющего нацию. И выход был найден. Произошла Октябрьская революция.

Было бы глубочайшим заблуждением характеризовать Октябрьскую революцию только в радужных или же мрачных тонах. Изначально она оказалась сложным явлением. Интересные мысли по этому поводу высказал как-то В. Кожин, беседуя с Б. Сарновым. По его мнению, в Октябрьской революции «столкнулись два совершенно различных, даже противоположных решения: *революция для России или Россия для революции*. В первом решении революция предстает как освобождение от политических и экономических пут коренных, складывавшихся веками сил народа, во втором же, напротив, все накопленное веками отрицается и народ используется как своего рода вязанка хвороста, бросаема в костер революции»¹²⁵. Революцию «для России» В. Кожин назвал «русской и народной»¹²⁶.

Ярким выразителем ее был Ф. К. Миронов. «Я стоял и стою, – говорил он, – не за келейное строительство социальной жизни, не по узкопартийной программе, а за строительство гласное, за строительство, в котором народ принимал бы живое участие»¹²⁷. В письме к Ленину от 31 июля 1919 г. Миронов писал: «Социальная жизнь русского народа... должна быть построена в согласии с его историческим, бытовым и религиозным мировоззрением, а дальнейшее должно быть предоставлено времени». Миронов решительно не соглашался с «тенденцией «все разрушай, да зиждется новое», с разрушением всего того, что имеет трудовое крестьянство и что нажило оно путем кровавого труда...»¹²⁸

«Революция для России» является главным достижением Великого Октября. Ее с полным основанием можно назвать Второй русской рабоче-крестьянской революцией. Русской потому, что она в соответствии с ментальными особенностями русского народа отвергла капиталистический путь развития страны; рабоче-крестьянской потому, что в ней, по сравнению с Первой аграрно-демократической революцией 1905–1907 гг., значительно возросла роль рабочего класса, ставшего руководящей силой в революционном движении; революцией потому, что она произвела в русском обществе кардинальные изменения, ликвидировав частную собственность и эксплуататорские классы; социалистической потому, что она была устремлена к социальной справедливости и равенству. Именно эти качества Октябрьской революции вызвали в народной стихии прилив энтузиазма и вовлекли миллионные массы в творческий процесс строительства новой жизни. Не случайно эта ипостась Великого Октября получила положительную оценку представителей русского зарубежья. Так, многие

¹²⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1984. Т.26. С. 31.

¹²⁵ Диалог недели. Вадим Кожин – Бенедикт Сарнов. Россия и революция// Литературная газета. 1989, 15 марта.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Россия. XX век. Документы. Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг. М., 1997, № 154. С. 219–220. «Там же. № 176. С. 270.

¹²⁸ Там же. С. 268–269.

из евразийцев воспринимали Октябрьскую революцию «как массовый отказ народа от европейской романо-германской культуры, как прорыв к новой культуре...»¹²⁹ Даже среди правых находились люди, «которым импонировали в большевизме его отрицание «буржуазной» демократии, идея сильной власти и борьба против западного парламентаризма. Привлекала также великодержавная направленность политики большевиков, которые для многих националистически настроенных эмигрантов представлялись с определенного времени гарантами имперского единства России»¹³⁰.

Весьма примечательны высказывания Н. А. Бердяева и Г. П. Федотова. По словам Н. А. Бердяева, «русская коммунистическая революция» осуществила мечту крестьян о «черном переделе», отобрав «всю землю у дворян и частных владельцев. Как и всякая большая революция, она произвела смену социальных слоев и классов. Она низвергла господствующие, командующие классы и подняла народные слои, раньше угнетенные и униженные, она глубоко взрыла почву и совершила почти геологический переворот. Революция освободила раньше скованные рабоче-крестьянские силы для исторического дела. И этим определяется исключительный актуализм и динамизм коммунизма»¹³¹.

Согласно Г. П. Федотову, «ни в чем так не выразилась грандиозность русской революции, как в произведенных ею социальных сдвигах. Это самое прочное, не поддающееся переделке и пересмотру «завоевание» революции. Сменится власть, падет, как карточный домик, фасад потемкинского социализма, но останется новое тело России, глубоко переродившейся, с новыми классами и новой психологией старых»¹³². Осмысливая грядущее, Г. П. Федотов полагал, что «революция должна расширить свое содержание, вобрать в себя максимум ценностей, созданных национальной историей... Для революции гораздо существеннее продвинуть свои рубежи в глубь прошлого...»¹³³. Он говорил о «национализации революции», т. е. о «национальном строительстве»¹³⁴.

¹²⁹ Омельченко Н. А. В поисках России. Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности. СПб., 1996. С. 15.

¹³⁰ Там же. С. 82.

¹³¹ Бердяев Н. А. Истоки... С. 112.

¹³² Федотов Г. А. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991. Т.1. С. 197.

¹³³ Там же. С. 268.

¹³⁴ Там же. С. 268.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.